

ЕЛЕНА ЯСЕНЕВА

ВЕЛЬЗЕВУЛОВ
ЦВЕТОК

Елена Ясенева

Вельзевулов цветок

«Автор»

2026

Ясенева Е.

Вельзевулов цветок / Е. Ясенева — «Автор», 2026

«Вижу только я!» — пронеслась леденящая душу мысль. Молодой барин Герман Просвирский и помыслить не мог, что на его пути встретится нечто сверхъестественное. Но судьба неумолима: ему придется сделать выбор — станет ли неожиданный подарок от деревенской знахарки благословением или жестоким наказанием? Герману предстоит преодолеть нешуточные испытания, а также встретить загадочного господина, в котором он обретет наставника и друга.

© Ясенева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯНЕПРОШЕНЬ ДАР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вельзевулов цветок

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НЕПРОШЕННЫЙ ДАР

Стоял полуденный зной. Почтовая карета лениво подсакивала на ухабистой дороге. Молодой гусар уже проснулся и тоскливо разглядывал бесконечную степь. К слову сказать, окружал его такой перегар, что мухи на остановках или жуки, ненароком попавшие внутрь кареты, тут же падали замертво. Напротив безмятежно спал слуга Авдей, являющийся таким же источником вечного забвения для букашек.

Гусар думал, что его отъезд из северной столицы станет неожиданным и долго обсуждаемым событием. Ведь весь Петербург гудел о кутежах Германа Просвицкого! Каждый молодой офицер считал долгом чести провести вечер в его компании, что и говорить о безответно влюбленных барышнях.

Однако родители, видя, с каким непростительным безрассудством сын тратит деньги и вводит их в вынужденные расходы, всерьез обеспокоились его будущим. После долгих объяснений в отцовском кабинете и угроз остаться без наследства, что Герман Андреевич помнит смутно ввиду выпитого накануне, он и оказался на пути в усадьбу бабушки по материнской линии – Пульхерии Романовны Конюковой.

Герман давненько не видел Пульхерию Романовну. Писал ей редкие письма и с успехом избегал семейных поездок в деревню. Кажется, в последнее лето здесь он был неугомонным десятилетним мальчишкой – воображал себя то ли благородным рыцарем, то ли удалым разбойником. Взрослые под вечер уже не могли вынести озорных проделок – страшно ругались. Но бабушка непременно излавливала его и ласково целовала, а укладывая спать...

–Хр-р-р... – Авдей звучно захрапел и прервал воспоминание.

Герман досадливо вздохнул и пихнул спящего слугу сапогом. Тот, недовольно бурча, перевернулся на другой бок и негромко засопел. Что ж, ничего больше не оставалось, кроме как снова разглядывать степь, иссушенную жарким солнцем, тянувшуюся который час за окном кареты.

Уже за вечерело, когда пейзаж начал понемногу меняться, и можно было кое-где различить невысокие деревца и пятна полевых цветов. Вдалеке темной полоской показалась небольшая рощица.

«Должно быть, это парк!» – радостно подумал гусар.

И правда, вскоре рощица преобразилась в обширный парк. Карета въехала в сгущающуюся темноту деревьев. Громкий шелест пышной листвы сопровождал их до тех пор, пока впереди не показался величавый дуб у самого усадебного дома. Герман с волнением проехал мимо него. Полянка возле этого огромного дерева была частым местом для игры в салки и прятки. С еще большим волнением он смотрел на знакомый двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте и на людей, вышедших поприветствовать барина.

– Герочка! Герочка, здравствуй! – с улыбкой его встретила дама почтенного возраста и, обняв внука, добавила:

– Вот и баньку истопили к твоему приезду! Будь покоен, сельская жизнь куда как полезнее молодому организму! Пойдем, пойдем!

Герман был смущен, узнавал и не узнавал черты ее лица: казалось, они заострились, и глаза подчеркнуты излишними линиями, но голос с хрипотцой... Да, да! Перед сном бабушка рассказывала чудесные деревенские сказки. А едва слышный запах корицы, исходящий от Пульхерии Романовны, пробудил в нем уснувшую теплоту детства.

Увлекаемый в дом, он бегло осмотрелся вокруг и постарался найти в себе хотя бы каплю смирения перед вынужденным уединением здесь.

И вот, спустя два скучных жарких месяца, к Герману пришла радость обыденных вещей. Так занятно ползет по травинке букашка с блестящими крылышками. Травинка прогибается почти до земли, и букашка, зажужжав, улетает одной ей ведомо куда: может, на другой листик, а может, и в соседнюю губернию. А прозрачный зеленый стебелек вновь выпрямляется и гордо вбирает в себя лучи солнца.

Герману кажется, что на самом деле он никогда и не жил в Петербурге, не гнал во весь опор лошадей для забавы, не просиживал ночей за карточным столом. И так естественно рядом с ним лежит корзинка с рыболовными снастями, а река зовет присесть на бережок, закинуть удочку и умиротворенно ожидать, как на гладкой поверхности разойдутся круги – и нужно будет подсекать. Он и вправду спускается к речушке, закидывает удочку... Да, вдруг, разозлившись, бросает ее в сельский омут.

– Как невыносимо зде-е-е-сь! – кричит Герман, но в ответ слышит лишь кваканье встревоженных лягушек.

– Эх! – махнув рукой в сторону речки, он бредет к хозяйскому дому, раздраженно отмахиваясь от мошкеры и сердито срывая с одежды приставучий репей.

Герман Андреевич безвозвратно вычеркнул рыбалку из распорядка дня – и без того скудного на события. Обычно барин вставал пораньше, делал зарядку, плотно завтракал, а затем спрашивал у Пульхерии Романовны, не будет ли каких поручений. Если же занятий не находилось, на выбор оставалось три средства от скуки: пойти порыбачить, объехать усадьбу верхом или почитать в библиотеке. В ней хранилось множество журналов и книг – и не только на сельскую тематику. Поскольку его ныне покойный дед Василий Михайлович увлекался философией, здесь можно было найти переводы некоторых сочинений Вольтера и Фонтенеля. На полках соседствовали и трагические романы Гюго, пьесы Бомарше и Расина, а также сборники поэзии.

Наконец, утомительный день завершался вечерним чаепитием на веранде с бабушкой. В это самое время где-то вдалеке принималась куковать кукушка, ей вторил стрекот сверчков и доносилось кваканье лягушек у речки. В такой умиротворяющей картине Пульхерия Романовна упоенно рассказывала о делах усадьбы, об урожаях и крестьянах, о соседях. Но внук лишь рассеянно поглядывал то на цветочную роспись чашек, то на оранжево-красный закат. Его мысли уносились в светлые балльные залы – туда, где кружились в танцах барышни и их кавалеры, а у обитого зеленым сукном стола ждали друзья с колодой карт. Приятное чувство наполняло его на миг и тут же покидало, как только в грезы вторгалось настойчивое кукование.

Однако следует отметить: было и еще одно развлечение. Поднимаясь по покатоному лугу, Герман невольно задумался о попытках бабушки сыскать ему невесту. Пульхерия Романовна взяла моду хвастаться внуком: приглашала немногих соседей на обед, особенно тех, у кого были дочери на выданье.

Поначалу Герман Андреевич находил эти знакомства с девицами любопытными и подметил для себя две вещи.

В семействах, где не знали о его разгульном прошлом, он был героем, будто сотканным из строк романа. Красивый, одетый в столичный костюм, бравый солдат, оставивший службу и теперь надеявшийся обрести счастье в сельской глуши. Все тут же очаровывались и влюблялись в Германа Андреевича. Девушки, которым его пророчили в женихи, были весьма скромны и с трепетом заглядывали в серые глаза молодого человека.

А в семействах, где знали о его слабостях, Германа тоже охотно принимали, ведь наследство внука Пульхерии Романовны оставляло надежду нажить капитал при должном управлении. А потому и девушки были зачастую хоть и образом приятные, но с характером не хуже, чем у его полкового командира. В одном только «Герману Андреевичу непременно стоит попросить наш морс! Ах, какую прохладу он дает в такую жару!», когда он было потянулся к запо-

тевшему графинчику с манящим вином, и с неудовольствием теперь брался за другой сосуд, дабы не обидеть хозяев. Чего уж тут ожидать после женитьбы!

Ни те, ни другие не заронили в нем и малой искорки интереса, а потому визиты стали приносить лишь скуку.

Барин остановился, не доходя до главного усадебного дома, словно только сейчас увидел его по-настоящему. А ведь дом несколько не изменился, разве что немного пообтрепался: на колоннах кое-где откололась известка, у оконных рам на фасаде белая краска стала отдавать желтым оттенком. Но у Пульхерии Романовны уже созрели большие прожекты по отделке на будущий год! Герман с сожалением подумал, что он уже не тот мальчишка, беззаботно играющий тут со своими товарищами, носившийся вокруг могучего дуба. От печальных дум его отвлекла шумная, дребезжащая бричка, показавшаяся на дороге.

«Снова гости», – тяжело вздохнул Герман Андреевич. Как только он вошел в дом, то сразу направился в гостиную, желая смутить своим небрежным видом очередную девицу, которые неизвестно откуда брались в таком количестве. Войдя в комнату, Герман растерялся: бабушка вела беседу с мужчиной средних лет, а с ними сидела девочка лет семи. Она пугливо взглянула на барина и тут же спрятала за спину руки, усыпанные бородавками.

– А, Герочка, подойди же! – позвала Пульхерия Романовна. – Я познакомлю тебя с купцом, Дубининым Никитой Тимофеевичем. А это его дочурка Анечка.

Герман Андреевич с виноватым видом поспешно приводил себя в порядок.

– Мой внук, Герман Андреевич Просвирский, приехал из Петербурга погостить, – представила его бабушка. – Кажется, ты был на рыбалке? А где же улов?

Герман учтиво поклонился гостям и ответил:

– Улова сегодня нет, – развел он руками и принялся рассматривать расписные ландшафты, украшавшие стены.

– Что ж, может, составишь нам компанию? – предложила Пульхерия Романовна. – У Никиты Тимофеевича просьба к знахарке в нашей деревне. И поскольку погода благоволит, мы прогуляемся.

– Как интересно! Я и не знал, что у вас есть знахарка, Пульхерия Романовна! – удивился Герман. – Только простите мой наряд и позвольте переодеться.

– Иди-иди! Все успеется! А мы пока выпьем чаю, – бабушка посмотрела на купца, и тот добродушно улыбнулся.

Герман Андреевич оказался озадачен этим забавным известием. «Надо же, знахарка!» – усмехнулся он, припоминая, что Пульхерия Романовна очень набожная женщина. Она всегда приезжала на церковные службы в уездный городок, хоть бы за окном и случались природные катаклизмы. Сам Герман никогда не имел дел и надобности обращаться к подобным людям. Разве что как-то раз сослуживцы затащили его к гадалке, напороочившей ему сущий вздор наподобие обретения невероятного подарка и тяжкого испытания в молодости.

Вскоре процессия во главе с Пульхерией Романовной двинулась по пыльной дороге к крестьянской деревне. Вдалеке виднелись бревенчатые избы, путь обещал быть недолгим.

Хозяйка усадьбы в такую пору редко пользовалась легкой коляской для прогулок, предпочитая неспешный променад «на сельский манер». Пульхерия Романовна считала, что нет мест красивее ее родных пейзажей. Казалось, только вчера, убегая от строгих гувернанток, она пряталась под яблоней в саду или плела венки из полевых цветов, как ее учили крестьянские девушки. А сегодня она уже дама почтенного возраста... Вот так вмиг пролетела вся жизнь! И как бы ей хотелось застать правнуков, угадывать в них знакомые черты, передать им любовь к этим местам. Пульхерия Романовна взглянула на внука, которым очень гордилась и верила, что Герман обязательно обретет здесь истинный путь.

– Нам нужен крайний дом, – сказала бабушка, когда они подошли к деревне. Встречные люди с теплотой приветствовали свою хозяйку, почти не обращая внимания на гостей, к которым уже привыкли, зная, куда те направлялись.

Так Герман впервые оказался перед домом с синими ставнями на окнах. У калитки теснились несколько человек, по большей части крестьяне.

– Ну, занимаем место! – скомандовала Пульхерия Романовна и присела на скамейку. Она не собиралась нарушать здешний порядок: коли и купец с ней пришел, али какой важный чиновник, все одно – жди своей очереди. Вскоре страждущие перед ними иссякли. Из дома вышла бабка-знахарка, одетая во все черное, и поклонилась Пульхерии Романовне.

– Доброго дня, государыня! Как ваше здоровье?

– Доброго дня! Спасибо, Прасковья Ивановна, здоровье исправное.

Знахарка еще раз поклонилась и посмотрела на Германа. Внутри него все болезненно сжалось – настолько глубоко она заглянула в душу, что он сам бы никогда не осмелился так посмотреть.

– Не ты за лечением пришел, – только и произнесла она.

Барина отпустило, и ему захотелось поскорее вернуться обратно. Знахарка окинула взглядом и купца, а затем приветливо улыбнулась девочке.

– Давай, дочка, покажи, что за хворь у тебя.

Девочка посмотрела на отца и боязливо протянула руку знахарке.

– Ай-яй! Поди, дразнит ребятня? – девочка, хлюпая носом, кивнула. – Ну ничего, дело это поправимое, пойдем.

Прасковья Ивановна увела девочку в дом.

– Какой взгляд, – сказал купец. – Аж до костей пробрало!

– Да, – ответила Пульхерия Романовна, которая оказалась свидетельницей некоторых чудес. – Бывает, посмотрит на человека и тут же скажет, какая болезнь его мучает.

– А не ведьма ли она? – боязливо усмехнулся Герман.

– Знахарка, травами ведает. Я сначала тоже было думала: дело нечистое, нецерковное, даже прогнать ее хотела. А когда еще жив был твой дед... Царство небесное, Василий Михайлович! – она воздела глаза к небу. – Так разыгралась у него подагра, что он и встать не смог. Врачей привозила, все без толку. И тут она сама пришла, должно быть, услышала от слуг. Думаю, чем черт не шутит! И муж мой встал! Так еще потом и на охоту ездил! Очень я благодарна ей. Живет Прасковья Ивановна здесь тихо, помогает людям, дело доброе!

Никита Тимофеевич, заметив вдали колосющиеся хлебные поля, принялся расспрашивать о грядущем урожае, и Герман, слушая их обыденную беседу, совершенно успокоился.

Тем временем Анечка вернулась в сопровождении знахарки. Ее руки были туго обмотаны тряпицами.

– Пусть до обеда следующего дня не снимает, – напутствовала Прасковья Ивановна.

Гости, простившись, неспешно направились обратно к усадьбе.

Следующее воскресенье выдалось необычайно суетливым: барин готовился к отъезду в Петербург. Он был приглашен на свадьбу давнего друга детства, Петра Александровича Будникова, старшего офицера уланского полка в отставке. Герман смог добиться только этой единственной поблажки перед отъездом к бабушке, находясь в полубессознательном состоянии. И теперь он несказанно радовался возможности ненадолго покинуть сонное царство.

К вечеру вещи были собраны, все приготовления завершены. Герман Андреевич устроился с книгой в библиотеке, надеясь скоротать время перед сном. Но из-за невыносимой жары слова в книге сливались. Тогда он попробовал написать записку другу о своем приезде, но чернила на письме растекались, и, оставив попытки, барин отправился спать.

Ночью раздались раскаты грома, и наконец-то застучал дождь. Герман ворочался в постели, не в силах заснуть. Графин с водой был пуст. Он позвал Авдея, других слуг, но никто не явился услужить ему. Раздражаясь, барин спустился вниз, в темную кухню, и с наслаждением напился колодезной воды из жбана. Молния разрезала темное марево на небе, порыв ледяного воздуха распахнул окно, и вдруг Герман увидел перед собой бабку-знахарку. Она с силой доброго молодца схватила его за руку. Казалось, душа ушла в пятки. Всполохи молнии вновь осветили комнату, а за бабкой-то стоят тени – орда теней! Ведь последняя она в своем роду! Страшным взглядом ее глаза вперились в лицо молодого барина, а через мгновение знахарка замертво повалилась у его ног.

Оглушительный удар грома вывел Германа из оцепенения. На полу уже никого не было, видение исчезло. Послышались голоса, дом оживал, и барин почувствовал облегчение. Он было направился в свою спальню, но застал у лестницы Пульхерию Романовну, отдававшую распоряжения слугам.

– Что случилось? – спросил он.

Бабушка подошла, положила руку ему на плечо и сказала:

– Герочка, староста приходил – принес плохие вести: умерла Прасковья Ивановна. Что ж, на все воля Божья!

– Как же так? – выдавил из себя потрясенный Герман.

– Пока ничего не знаем. Ты иди спать, ночь-то сегодня беспокойная, а тебе завтра в дорогу.

До самого Петербурга Герман видел перед собой лицо знахарки, озаренное вспышкой молнии, гадал, зачем она явилась к нему и будет ли это дурным предзнаменованием. Он пытался расспросить Авдея о народных поверьях, но тот лишь пожимал плечами. По прибытии, наскоро переодевшись, Герман отправился на квартиру жениха, оставив слугу хлопотать по хозяйству.

Дом на Невском, обычно тихий и спокойный, наполнился шумом. По лестнице то и дело сновали люди, что-то выносившие и вносившие. Герман, лавируя между ними, поднялся на второй этаж.

– Анисья, принеси воды! Ваня, подай фрак! А шкатулку Любочке отправили? – раздавалось за дверью.

Герман Андреевич постучался. Ему открыл слуга, державший под мышкой шкатулку, а в руках – одежду, какие-то ленты и еще Бог знает что.

– Барин в комнате, направо по коридору, – выпалил он, пропуская гостя.

– Гера! – раздались нестройные голоса. Его окружили люди в штатском и в форме, бывшие сослуживцы. – Мы тебя заждались!

Герман Андреевич был рад видеть старых друзей: кто-то составлял компанию в его кутежах и проделках, а кого-то он не видел уж сто лет.

– Гера! – Петр Александрович, еще не одетый, в шелковом халате, встретил друга и крепко обнял. Затем, обращаясь к этой ватаге, объявил:

– Друзья! Пора отправляться к церкви! А Герман Андреевич останется и поможет мне собраться!

Комната огласилась троекратным «Ура!» и, к облегчению жильцов, наконец установилось спокойствие.

– Прости, я не смог приехать раньше! Поздравляю тебя! Ты счастлив?

– Да! Знаешь, мне не терпится побыстрее прожить этот день и оказаться в дне после, когда мы уже муж и жена и можем сколь угодно наслаждаться обществом друг друга. Пойдем!

Они прошли в комнату Петра Александровича. Он взял с туалетного столика небольшой портрет и протянул его другу.

– Это моя Любовь Ивановна!

На портрете была изображена светловолосая девушка с мягкими чертами лица, в пол-оборота.

– Она прекрасна! – сказал Герман, припоминая, что друг всегда увлекался мечтательными барышнями.

– Да, она – ангел! – ответил Петя и, посмотрев на часы, крикнул: «Ваня, где фрак?»

В комнату зашел все тот же слуга, осторожно разложил на кровати фрак и отглаженную рубашку. Петя начал одеваться.

– Гера, надеюсь, ты расскажешь, где пропадал все это время?!

– Конечно! Если тебе будет интересно послушать про унылые деревенские будни.

– Меня тоже это ждет! После свадебного путешествия мы вернемся в Любочкино имение. С первого взгляда я влюбился в те места и совсем позабыл про город! Но матушка настояла, чтобы свадьбу отпраздновали здесь, и мы с Любочкой венчались в той церкви, где давали обеты матушка с папенькой.

Последнее слово прозвучало тихо в его радостной, скорой речи. Герман сочувственно кивнул ему: Петр Александрович в отрочестве потерял отца.

– Помоги мне завязать галстук, – уже бодрым голосом заговорил жених, желая развеять печальные думы.

Когда Петя был готов, они еще с минуту молча посидели в гостиной. Встав, сдерживая волнение, Петр Александрович взглядом дал понять, что «Пора!». Друзья прибыли в церковь чуть раньше назначенного времени. Герман с интересом разглядывал немногочисленных гостей и церковных служителей. Ему еще не доводилось бывать на венчании, только на свадебных балах. Петя, ожидая невесту, которая уже порядком опаздывала, пытался вспомнить, что должно делать, боясь, как бы чего не перепутать и не сказать глупых слов. А между тем суженой все не было, волнение нарастало. Герман и сам стал переживать, подумывал отправиться на поиски, но тут появилась невеста. Она спешила к Петру Александровичу, в ее глазах читалась мольба о прощении за промедление. Петя же ответил ей лишь восхищенным, всепрощающим взглядом.

И вот они встали рядом: жених в черном фраке, невеста в белом парчовом платье. Весь мир сейчас для них составляли только они двое, вершилось таинство. «Суждено ли мне стоять вот так у алтаря с возлюбленной?» – подумал Герман, наблюдая трепетные чувства молодых. Когда венчание закончилось, гости направились в дом родителей жениха, где должен был состояться свадебный обед и бал.

В гомоне людских голосов, позвякивании бокалов, звуках оркестра Герман словно проснулся. Он наконец-то в своей стихии! И не было гостя красноречивее Германа Андреевича, произносившего душевные тосты за здоровье молодых. Не было кавалера искуснее, с легкостью кружившего дам в танце. Не было обаятельнее господина, осыпавшего изящными комплиментами. И не было интереснее собеседника, оживлявшего любую беседу. Шампанское! Шампанское! Шампанское лилось рекой! Казалось, можно поверить, что жизнь – это восхитительный праздник!

Но вдруг тишина оборвала веселье. Кружась в свадебном танце, Любовь Ивановна вдруг замерла на месте, схватившись за шею! Ее рот, издавая страшные хрипы, исказился от муки. Лишившись чувств, она упала в руки мужа.

– Пошлите за доктором! Скорее! – закричал Петр Александрович, осторожно перенеся ее на банкетки, составленные участливыми гостями.

Подойдя к обступившим их людям, Герман увидел на лбу молодой женщины странные знаки, будто нарисованные чернилами, а еще – огромного толстого червяка, который крепко обвил шею новобрачной, не давая ей вздохнуть. Гусар ошалело смотрел на гостей, его рука сама собой вытянулась, указывая на жуткую картину, но они не ужасались этому существу! «Вижу только я!» – пронеслась леденящая душу мысль.

– Так и будете стоять? Она задохнется, – раздался бесстрастный голос рядом с ним.

Эти слова привели Германа Андреевича к решительному действию. Он растолкал толпу и сорвал червяка с шеи Любви Ивановны. Она тут же ровнее задышала, на лице показался слабый румянец – беда миновала. Все замолчали. А обезумевший Герман, сжимавший пустоту в руке, выбежал вон.

На удивление, его ожидал экипаж, хотя он и не сообщал о своем отбытии. Не было времени обдумать это обстоятельство, он вскочил в карету. «Поехали! Быстрее! Быстрее!» – выкрикнул Герман Андреевич, запихивая отвратительного червяка в шляпную картонку, забытую матушкой. С ужасом он смотрел, как тот буйно дрыгается на дне экипажа, да так дрыгается, что дверца распахнулась. Еще мгновение, и картонка выпала бы, но ее кто-то поймал.

– Ну что же вы! А если он еще к кому-нибудь прилипнет?! – напротив сидел незнакомец. Он схватил омерзительную тварь, она зашлась синим пламенем в его руке и исчезла.

– Видеть вы их, видите, однако же ничего не делаете?

– Кто вы такой? – перейдя на высокие ноты, в ужасе закричал Герман.

Человек хищно оскалился, поднял левую руку, вытянув указательный и средний пальцы, а правой нарисовал в воздухе полукруг. Герман застыл. До него еле слышно донеслись слова: «Меня зовут Елизар, рад знакомству!» – и таинственный спутник исчез. Несколько минут Герман разглядывал пустое сиденье: «Был ли здесь кто-то на самом деле?! Может, я заснул? Точно! Это был сон! Надрался на свадьбе и, не помня себя, сел в карету!» – пот лил градом по его лицу. – «Да-да, все точно так и было! Эй, вези меня в трактир на Кузнечном!»

Спасительное вино упоенно лилось в бокал, снова и снова. Станный покой овладел Германом, а затем он заметил, что за людьми стоят полупрозрачные черные тени. Они дружелюбно касались плеч игроков за карточным столом, улыбаясь пустыми ртами при каждом выигрыше и еще больше радуясь при проигрыше, похлопывали выпивох по животам, когда те брались за новую непечатую бутылку. Проходя дальше, в тайные комнатки трактира, Герман отмечал, что тени приобретали вполне телесную форму. Они были плотнее, росли из плеч бездумных прожигателей жизни и приобретали черты лица своего хозяина.

– Дружище, Геррманн, какими судьбами? Мы уж и не чаяли тебя увидеть, – вставая из-за игорного стола, к нему приближался старый приятель. – Веришь ли, проигрался в пух и прах! Не одолжишь стольничек?

А Герман Андреевич и слова вымолвить не может: на плече его названного брата красовалась рожа-близнец и тянула пухлые губы для дружеского поцелуя. Кое-как отделавшись от него, Герман припал к стойке, заказал себе выпить и, держа стакан в руках, почувствовал, как потянуло левое плечо. Резко повернув голову, он увидел, что на нем выросла тоненькая шея, на которой держалась отвратительная голова-близнец со спутанными жирными волосами, дышавшая сильнейшим перегаром.

– Нет, нет! – выбежав с криком из кабака, он оказался на тесной грязной улочке. Герман отчаянно тряс плечом, закрывая рукой лицо, чувствуя на себе отвратительное зловоние. На его счастье наступил рассвет, и первый луч солнца развеял это страшное видение. Герман Андреевич обессиленно прислонился к стене и беспрестанно трогал свое плечо, с облегчением убеждаясь, что там ничего нет.

В конце переулочка раздались голоса. «Пора взять извозчика и ехать домой!» – устало подумал Герман и тихонько побрел в сторону звуков. Но голоса крепили, перерастая в неразличимое, приближающееся громкое жужжание, а затем... Со всех сторон на гусара обрушился град недовольных упреков: «Эх, Прасковья, не тому передала свой дар!», «Да он же пьянчуга!», «Слишком молод!», «Быть нам неуспокоенными по твоей вине, Просья!», «Ничего не знает, не хочет ведать!». Герман Андреевич схватился за голову. «А ну, тихо!» – повелительно раздался грубый мужской голос. – «Коли Прасковья так поступила, значит, так тому и быть. Следуй своему пути, мальчик!» Порыв ветра подбросил к ногам Германа клочок бумаги. «Мистик,

спирит, чародей – Господин Елизар к вашим услугам!» – значилось на уцелевшей части афиши под портретом недавнего незнакомца из кареты. Гусар не придумал ничего лучше, как отправиться по указанному на афише адресу.

Извозчик подъехал к кованой высокой ограде, за которой виднелся двухэтажный дом чародея Елизара.

– Приехали, барин! – громко объявил он и, видя, что господин не поторапливается выйти, повторил: – Приехали, говорю!

Герман встрепнулся, недоуменно посмотрел на него, протянул деньги и вышел из экипажа. Гусара била мелкая дрожь, он озирался по сторонам и неожиданно в его памяти всплыло, что он бывал здесь неподалеку. Кажется, проводил вечер в каком-то питейном заведении, и ему запомнился этот дом, стоявший несколько особняком от остальных деревянных построек. В тот раз удалось разглядеть необыкновенно освещенную дорожку к парадному входу: свечи под стеклянными куполами, ими шумно восторгались прибывающие гости. Теперь же дом выглядел буднично, безмолвствовал, а плотно зашторенные окна были черны.

Герман с сомнением толкнул калитку, ожидая, что вот-вот увидит кого-нибудь из слуг, и чем ближе он подходил к крыльцу, тем больше думал, что приехал напрасно – в доме никого нет. Но едва гусар оказался у парадной двери, как она бесшумно отворилась. Внутри, в полумраке узкого коридора, виднелась полоска света. Он нашел таинственного господина в кресле у потухшего камина. И вдруг Германа охватил неотвратимый ужас: вновь пережить все то необъяснимое, что открылось ему недавно. Упав на колени, он взмолился:

– Прошу вас, заклинаю всеми святыми, всем, что вам дорого. Избавьте меня от этих видений! Такого не бывает, этого не может быть! Я схожу с ума! Я слышу... голоса! Помогите, молю, верните мне прежнюю жизнь!

В голове Германа раздался оглушительный, недовольный ропот духов знахарского рода.

– Позвольте...

Елизар склонился к Герману и прислушался. «Ах, вот в чем дело!» – с пониманием покачал головой странный господин.

– Увы! – обратился он к Герману. – Боюсь, перемены необратимы.

Безысходность захлестнула гусара. Не в силах сдержаться, он разрыдался.

Чудесным образом на столике рядом с ними появился поднос с небольшим чайником и двумя чашками, украшенными восточным орнаментом. Мистик разлил темный, терпкий напиток и протянул одну чашку Герману, выжидая, когда стенания немного утихнут.

– Полноте, ведь вы же офицер! С чего же вы решили, что дар ваш – наказание? Держите! Это всего лишь чай. Пейте, пейте до дна!

Герман послушно выпил.

– Я бы помог вам... для разнообразия. Интересно наблюдать за человеком на распутье.

Но гусар уже не слышал последних слов, он крепко и умиротворенно заснул.

На следующий день Герман очнулся в незнакомой комнате того же дома. Чувствовал он себя гораздо лучше. Спустившись вниз, у камина обнаружил, как и вчера, загадочного господина. Тот, казалось, только и ждал его пробуждения.

– Вчера вы были в страшном подпитии и волнении по поводу внезапно свалившейся на вас участи и способностей. – Елизар, видя его замешательство, решил напомнить обстоятельства, приведшие Германа к нему. – Я скажу вам, что изъять эти способности невозможно. Моя помощь будет заключаться лишь в том, чтобы вы смогли обуздать их, подчинить себе и выбрать свой путь – зла, добра, а может, и какой-то третий. Решать вам. А так как я намерен совершить путешествие за границу, то не отказался бы от компании! Думаю, смена обстановки пойдет вам на пользу.

– А как же средства...

– О деньгах не беспокойтесь. Спиритизм – весьма прибыльное дело, но я устал от общения с покойными душами. Если вы согласны, рекомендую написать близким, дабы не пугать их внезапным исчезновением. Все необходимое найдете в комнате, где проснулись. Если же нет, то вы вольны покинуть этот дом и жить, как посчитаете нужным.

Перед глазами Германа вновь предстали видения со свадьбы и из трактира. Если они настигли его там, где он искал спасения, то иного выхода нет. Он склонил голову.

– Я согласен.

Герман Андреевич вернулся в комнату. Слова не желали складываться в предложения. После долгих мучений он отложил перо, еще раз перечитал написанное, убедившись, что тон письма соответствует хорошему настроению.

Вместе с Елизаром Герман добрался до своей квартиры, наскоро собрал необходимые вещи, оставил письма, обнял Авдея на прощанье, чем его очень удивил, и ушел. Верный слуга лишь через некоторое время понял, что случилось. Он тут же выбежал на улицу, но след кареты уже простыл. С тех пор о Германе Просвирском никто ничего не слышал.

Прошло два года...

Изабелла Петровна Челякина находилась в той поре, когда девичья угловатость уходит и уступает место мягкой женственности. Аделина Ивановна не могла налюбоваться на старшую дочь, не упускала случая рассказать о ее прекрасном образовании и остром уме, о том, какие разумные замечания Изабелла делает по ведению домашнего хозяйства. Казалось, найти подходящую партию не составит труда, ведь ее карне всегда расписан до последнего котильона. Однако, предоставив дочери право решить свою судьбу, Аделина Ивановна уже не раз пожалела об этом. Даже самые достойные кандидаты получали отказ, а череда женихов между тем иссякала. Заботливая мать не раз пыталась вразумить чересчур избирательную дочь:

– Милая, неужели никто не приглянулся тебе?

– Нет, матушка.

– Дорогая, подумай, не спеши. Истинная любовь всегда приходит в браке. Со временем ты узнаешь мужа лучше, найдешь его порядочным человеком. Ведь за одну только доброту можно полюбить. Ох, наверняка эти французские романы совсем вскружили тебе голову!

А Изабелла хранила в сердце воспоминание об одной мелодии. Как-то раз на семейный праздник по случаю именин матушки был приглашен студент-музыкант. Среди небольшого концерта из модных произведений неожиданно прозвучала эта мелодия. Видимо, сочиненная самим исполнителем, она рассказывала о когда-то случившейся с ним истории любви. Мелодия начиналась нежно и лирично, тихонько подкрадывалась к сердцу и, раскрываясь во всей своей красоте, захватывала его совершенно, без остатка. Каждая нота тронула Изабеллу до глубины души, и с тех пор музыка сделалась ее страстью. Белле хотелось, чтобы чувства к ее избраннику были созвучны этой мелодии. Но, беседуя с молодыми людьми на светских раутах, ей не удавалось постичь их истинные мысли, а легкомысленные разговоры оставляли пустоту. Изабелла не слышала знакомых отзвуков ни в ком из них, а потому все получали отказ.

Вот и в очередной раз домашние осторожно оставили Изабеллу наедине с графом N. Аделина Ивановна, противясь всем существом действу, которое собиралась совершить, скрепя сердце, прильнула ухом к притворенным дверям гостиной.

– Ну что там, Аделиночка? – спросил шепотом Петр Романович, сжимая руку супруги. Он разделял ее тревогу, опасаясь, как бы Изабелла не совершила роковую ошибку.

Аделина Ивановна в ответ лишь приложила палец к губам.

Тем временем в гостиной граф смущенно комкал свой платок в руках. Улучив себя за этим, попытался убрать его в карман, но неловким движением промахнулся, и платок упал на пол. Боясь, что ему станет совсем неловко, он поспешно начал заготовленную речь:

– Дорогая Изабелла Петровна! Вы, наверное, заметили, что я стал частым гостем в вашем доме, и причина тому – вы! Я... я совершенно очарован вами! Не вижу препятствий, чтобы наконец излить свои чувства и осмелиться просить вас стать моей женой!

Граф N. был средних лет, вдовец, человек приятный и состоятельный, известный своей успешностью в ведении дел. Лучшего мужа и пожелать нельзя. Правда, за обедом он имел привычку рассуждать о высоких материях или ругать современную молодежь, размахивая вилкой с застывшим кусочком рагу. В театре же или на музыкальном вечере непременно ругал шум, который издавали инструменты, но зато очень любил военные оркестры. Но кому важны эти мелочи, когда есть неоспоримые достоинства?

– Граф N., я очень признательна вам...

Тут Аделина Ивановна, бывшая за дверью, подала всем знаки. В гостиную вбежала горничная Нюрочка, сообщая, что Изабелла незамедлительно понадобилась матушке. Следом появился Петр Романович, прося у графа совета по какому-то очень срочному делу.

Граф, находясь в некотором замешательстве среди внезапно начавшейся суеты, видя растерянную Изабеллу, произнес:

– Что ж, раз дело столь неотложно! Понимаю! Изабелла Петровна, я с нетерпением жду нашей следующей встречи!

С этими словами он удалился с Петром Романовичем в его кабинет.

В тот же вечер в доме Челякиных состоялся судьбоносный разговор. Присутствовала и сестра Аделины Ивановны – Агафья. Она частенько гостила в Петербурге, особенно после смерти своего супруга.

– Изабелла, ты должна принять предложение графа! – отец начал с самого главного.

Аделина Ивановна под села к Белле.

– Милая, ты должна быть благоразумной дочерью и сестрой. Ведь Варенька уже дебютировала в свете, а ты до сих пор не замужем! Стольких женихов отвергла!

– Но... – попыталась возразить Изабелла.

– Это лучший выбор! Неужели ты хочешь быть похожей на тех одиноких дам на балах, с которыми танцуют лишь из жалости? Беллочка, мы устроим твое счастье!

– Граф – благородный и порядочный человек! Он, несомненно, будет замечательным мужем! – добавила Агафья Ивановна.

– Но...

– Решено! – объявил Петр Романович. – Свадебку сыграем следующей осенью!

Изабелле ничего не оставалось, кроме как покориться родительской воле. В слезах она выбежала из комнаты. Аделина Ивановна, глядя вслед дочери, подумала: «Господи, а не будет ли ошибкой этот брак?» Но тут заговорила Агафья Ивановна:

– Ах, словно вспомнила себя! Но лучше графа Изабелле партии не сыскать, а молодые люди сейчас такие ветреные. Сестрица, а может, мне забрать ее на время к себе? Отвлечется от тяжких дум на свежем воздухе. Тем более мои мальчики в кадетском корпусе, тоскливо без них в огромном доме, а так будет мне компания.

– Да-да, пожалуй!

Аделина Ивановна взглянула на мужа, ища в нем поддержку, и тот одобрительно кивнул.

Изабелла действительно отправилась к тетушке, но уже через неделю вернулась домой, поскольку пришли срочные новости о графе.

– Изабелла, милая, – обратился к дочери отец. – Граф N. разорился, удача изменила ему. Думаю, что он уже не будет более навещать нас. И как только я в последний момент отказался участвовать в, казалось бы, надежном предприятии – хлопкопрядильной мануфактуре...

Изабелла приняла новость с облегчением, радость наполнила ее. «Свободна!» – с этой мыслью она вернулась в свою комнату, намереваясь взяться за новое шитье, но тут постучали. Вошла служанка Нюрочка.

– Изабелла Петровна, вам передали письмо и вот... – она протянула хозяйке сложенные листы, запечатанные сургучом, и небольшую коробочку.

– От кого же?

– От графа N., уж очень он просил доставить его послание. Как тут откажешь?

– Хорошо, положи на комод.

Оставшись одна, Изабелла распечатала письмо.

«Дорогая Изабелла Петровна!

Наверняка Вы уже слышали о моем разорении. К сожалению, брак, если бы Вы дали согласие, между нами теперь невозможен. Позвольте сказать, что я никогда не встречал столь тонкой и чувствительной девушки, какую увидел в Вас. И напрасно надеялся, что Вы сможете и мне передать понимание прекрасного и красоты мира. На военной службе и торговых делах я огрубел, зачерствел, и мне хотелось испытать иные чувства, но этому не суждено сбыться.

Прошу, примите от меня прощальный подарок в память о нашем знакомстве! Серьги принадлежали моей матери, я хотел бы, чтобы они были у Вас.»

Сердце Изабеллы болезненно сжалось, и стало трудно дышать. Она ослабила воротничок платья. Открыв коробочку, обнаружила очень красивые золотые серьги. Голова закружилась, и Изабелла Петровна упала в обморок, чем немало напугала домашних. С тех пор она стала угасать.

Аделина Ивановна не верила своим глазам. Ее прекрасная Белла была бледна, непрошенные морщинки показались на ее лице, седой волос в восемнадцать лет! День ото дня Изабелла менялась. Раньше она живо участвовала в беседах, теперь же стала необыкновенно тихой, нить разговора беспрестанно ускользала от нее. «А что же вы думаете, Изабелла Петровна?» – обращался к ней кто-то на вечере, но она лишь недоуменно смотрела на вопрошающего. Изабелла сделалась затворницей, избегая светских приемов, дабы не испортить впечатления о себе. Все чаще она погружалась в глубины своей души, терзаясь мыслью, будто стала причиной неудач графа. Последние волнения были настолько сильны, что даже во время занятий музыкой мелодия, которую играла Изабелла, сама собой становилась минорной.

– Милая моя, Беллочка, расскажи, что с тобой? – не раз подступались к ней и мать, и подруги, и сестра.

– Что-то устала, – неизменно отвечала она.

Уповая на физический недуг, Аделина Ивановна сначала водила дочь к именитым врачам, а после уж и на церковные службы, и к бабкам, но Изабелле становилось только хуже. Отчаявшаяся мать не теряла надежды и, оставив Изабеллу на попечение своей сестры Агафьи Ивановны, поскольку младшая дочь ни под каким предлогом не хотела покидать город, решила предпринять поездку за границу в поисках лучшего специалиста. Изабелла снова вернулась к тетке в имение и в тихой молитве проводила дни в местной церквушке. Лишь изредка сюда доносились сплетни большого света, и главная из них была о том, что удалой гусар, Герман Просвирский, вернулся в Петербург!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.